

Джордж Гордон Байрон

Манфред

Оглавление

DRAMATIS PERSONAE

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

СЦЕНА ВТОРАЯ

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

СЦЕНА ВТОРАЯ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

СЦЕНА ВТОРАЯ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комментарии

*There are more things in heaven and earth,
Horatio, than are dreamt of in your philosophy.*
Shakespeare.¹

DRAMATIS PERSONAE²

Манфред.

Охотник за сернами.

Аббат св. Маврикия.

Мануэль.

Герман.

Фея Альп.

Ариман.³

Немезида.⁴

Парки.⁵

Духи.

Действие происходит в Бернских Альпах, частью в замке Манфреда, частью в горах.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Готическая галерея. — Полночь.

Манфред

(один)

Ночник пора долить, хотя иссякнет
Он все-таки скорей, чем я усну;
Ночь не приносит мне успокоенья
И не дает забыться от тяжелых,
Неотразимых дум: моя душа

1

Есть на земле и в небе то, что вашей
Не снилось философии, Горацио.

Шекспир *(англ.)*.

2 Действующие лица *(лат.)*.

3 Ариман — древнеперсидское божество, олицетворяющее злое начало на земле, властелин смерти и тьмы.

4 Немезида — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступления. В «Манфреде» Немезида — исполнительница воли Аримана.

5 Парки — в древнеримской мифологии богини человеческой судьбы.

Не знает сна, и я глаза смыкаю
Лишь для того, чтоб внутрь души смотреть.
Не странно ли, что я еще имею
Подобие и облик человека,
Что я живу? Но скорбь — наставник мудрых;
Скорбь — знание, и тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни.
Науки, философию, все тайны
Чудесного и всю земную мудрость —
Я все познал, и все постиг мой разум,
Что пользы в том? — Я расточал добро
И даже сам встречал добро порою;
Я знал врагов и разрушал их козни,
И часто враг смирялся предо мной,
Что пользы в том? — Могущество и страсти,
Добро и зло — все, что волнует мир, —
Все для меня навеки стало чуждым
В тот адский миг. Мне даже страх неведом,
И осужден до гроба я не знать
Ни трепета надежд или желаний,
Ни радости, ни счастья, ни любви. —
Но час настал. —
Таинственные силы!
Властители вселенной безграничной.
Кого искал я в свете дня и в тьме!
Вы, в воздухе сокрытые, — незримо
Живущие в эфире, — вы, кому
Доступны гор заоблачные выси,
И недра скал, и бездны океана, —
Во имя чар, мне давших власть над вами,
Зову и заклинаю вас: явитесь!

Молчание.

Ответа нет. — Так именем того,
Кто властвует над вами, — начертаньем,
Которое вас в трепет повергает, —
Велением бессмертного! — Явитесь!

Молчание.

Ответа нет. — Но, духи тьмы и света,
Вам не избежать чар моих: той силой,
Что всех неотразимее, — той властью,
Что рождена на огненном обломке
Разрушенного мира, — на планете,
Погибшей и навеки осужденной
Блуждать среди предвечного пространства,
Проклятием, меня гнетущим, — мыслью,

Живущею во мне и вокруг меня, —
Зову и заклинаю вас: явитесь!

В темном конце галереи появляется неподвижная звезда и слышится голос, который поет.

Первый дух

Смертный! На луче звезды
Я спустился с высоты.
Силе чар твоих послушный,
Я покинул мир воздушный,
Мой чертог среди эфира,
Нежно сотканный дыханьем
Туч вечерних и сияньем
Золотистого сафира
В предзакатной тишине.
Смертный! Что велишь ты мне?

Второй дух

Монблан — царь гор, он до небес
Возносится главой
На троне скал, в порфире туч,
В короне снеговой.
Лесами стан его повит.
Громовый гул лавин
В могучей длани держит он
Над синей мглой долин.
Века веков громады льдов
Вдоль скал его ползут,
Но чтоб низвергнуться во прах —
Моих велений ждут.
Я грозный повелитель гор,
Единым словом я
До недр их потрясти могу, —
Кто ты, чтоб звать меня?

Третий дух

В тишине заповедной,
В синей бездне морей,
Где сирена вплетает
Перлы в зелень кудрей,
Где во мраке таится
Водяная змея, —
Гулом бури твой голос
Долетел до меня.
Мой чертог из коралла
Он наполнил собой, —
Что ты хочешь, о смертный?

Дух морей пред тобой!

Четвертый дух

Где недра вулканов
Кипят в полусне
И лава клокочет
В гудящем огне,
Где Анды корнями
Ушли в глубину —
Вершинами гордо
Стремясь в вышину, —
Во мраке подземном
Тебе я внимал,
На зов твой покорно
Из мрака предстал!

Пятый дух

Я дух и повелитель бурь,
Я властелин ветров;
Свой путь к тебе я совершал
Средь молний и громов.
Через океан нес ураган
Меня на голос твой,
Плыл в море флот, но в бездне вод
Он будет пред зарей!

Шестой дух

Дух Ночи пред тобой, дух темноты —
Зачем меня терзаешь светом ты?

Седьмой дух

Твоей звездой правил я
В те дни, когда еще земля
Была не создана. То был
Мир дивный, полный юных сил,
Мир, затмевавший красотой,
Теченьем царственным своим
Все звезды, что блистали с ним
В пустыне неба голубой.
Но час настал — и навсегда
Померкла дивная звезда!
Огнистой глыбой без лучей,
Зловещим призраком ночей,
Без цели мчится вдаль она,

Весь век блуждать осуждена.
И ты, родившийся под той
Для неба чуждою звездой,
Ты, червь, пред кем склоняюсь я,
В груди презренье затая,
Ты, властью, данною тебе,
Чтобы предать тебя Судьбе,
Призвавший лишь на краткий миг
Меня в толпу рабов своих,
Скажи, сын праха, для чего
Ты звал владыку своего?

Семь духов

Владыки гор, ветров, земли и бездн морских,
Дух воздуха, дух тьмы и дух твоей судьбы —
Все притекли к тебе, как верные рабы, —
Что повелишь ты им? Чего ты ждешь от них?

Манфред

Забвения.

Первый дух

Чего — кого — зачем?

Манфред

Вы знаете. Того, что в сердце скрыто.
Прочтите в нем — я сам сказать не в силах.

Дух

Мы можем дать лишь то, что в нашей власти:
Проси короны, подданных, господства
Хотя над целым миром, — пожелай
Повелевать стихиями, в которых
Мы безгранично царствуем, — все будет
Дано тебе.

Манфред

Забвенья — лишь забвенья.
Вы мне сулите многое, — ужели
Не в силах дать лишь одного?

Дух

Не в силах.
Быть может, смерть...

Манфред

Но даст ли смерть забвенью?

Дух

Забвение неведомо бессмертным:
Мы вечны — и прошедшее для нас
Сливается с грядущим в настоящем.
Вот наш ответ.

Манфред

Вы надо мной глумитесь;
Но властью чар, мне давших власть над вами,
Я царь для вас. — Рабы, не забываетесь!
Бессмертный дух, наследье Прометея,⁶
Огонь, во мне зажженный, так же яростен,
Могуч и всеобъемлющ, как и ваш,
Хотя и облечен земною перстью.
Ответствуйте — иль горе вам!

Дух

Мы можем
Лишь повторить ответ: он заключен
В твоих словах.

Манфред

В каких?

Дух

Ты говорил нам,

⁶ *Бессмертный дух, наследье Прометея...* — В дословном переводе: «Разум Дух — искра Прометея...» Эта мысль в первоначальном варианте строки была выражена так: «Разум является моим Духом — возвышенной Душой...»

Что равен нам; а смерть для нас — ничто.

Манфред

Так я напрасно звал вас! Вы не в силах
Иль, не хотите мне помочь.

Дух

Проси:
Мы все дадим, что только в нашей власти.
Проси короны, мощи, долголетия...

Манфред

Проклятие! К чему мне долголетье?
И без того дни долги! Прочь!

Дух

Помедли,
Подумай, прежде чем нас отпустить.
Быть может, есть хоть что-нибудь, что ценно
В твоих глазах?

Манфред

О, нет! Но пред разлукой
Мне хочется увидеть вас. Я слышу
Печальные и сладостные звуки,
Я вижу яркую недвижную звезду.
Но дальше — мрак. Предстаньте предо мною.
Один иль все, в своем обычном виде.

Дух

Мы не имеем óбразов — мы души
Своих стихий. Но выбери любую
Из форм земных — и примем мы ее.

Манфред

Нет ничего на всей земле, что б было
Отраднo мне иль ненавистно. Пусть
Сильнейший между вами примет образ,

Какой ему пристойнее.

Седьмой дух

(появляясь в образе прекрасной женщины)

Смотри!

Манфред

О боже! Если ты не наважденье
И не мечта безумная, я мог бы
Опять изведать счастье. О, приди,
Приди ко мне, и снова...

Призрак исчезает.

Я раздавлен!

(Падает без чувств.)

Голос

(произносящий заклинание)

В час, когда молчит волна,
Над волной горит луна,
Под кустами — светляки,
Над могилой огоньки;
В час, когда сова рыдает,
Метеор, скользя, блистает
В глубине ночных небес
И недвижим темный лес, —
Властью, силой роковой
Овладею я тобой.
Пусть глубок твой будет сон —
Не коснется духа он.
Есть зловещие виденья,
От которых нет спасенья:
Тайной силою пленен,
В круг волшебный заключен,
Ты нигде их не забудешь,
Никогда один не будешь —
Ты замрешь навеки в них, —
В темных силах чар моих.⁷

⁷ В темных силах чар моих. — Далее у Байрона следует:

Вот, ты смотришь наугад,
И меня твой ищет взгляд,
Хоть незримую, но все ж
Вызывающую дрожь.

И проклятья вещей глас
Уж изрек в полночный час
Над тобой свой приговор:
В ветре будешь ты с тех пор
Слышать только скорбный стон;
Ночью, скорбью удручен,
Будешь солнца жаждать ты;
Но едва из темноты
Выйдет солнце над тобой —
Будешь ночи ждать с тоской.
Я в слезах твоих нашла
Яд холодной лжи и зла,
В сердце, полном мук притворных,
Кровь, чернее ядов черных.
Сорвала я с уст твоих
Талисман тлетворный их —
Твой коварно-тихий смех,
Как змея, пленявший всех.
Все отравы знаю я, —
И сильнее всех — твоя.
Лицемерием твоим,
Сердцем жестким и сухим,
Лживой нежностью очей,
Злобой, скрытою под ней,
Равнодушным безучастьем
К братским горестям, несчастьям
И умением свой яд,
Свой змеино-жадный взгляд
Глубоко сокрыть в себя —
Проклинаю я тебя!
Изливаю над тобой
Уготованный судьбой,
Роковой фиал твоих
Мук и горестей земных:
Ни забвенья, ни могилы
Не найдет твой дух унылый;
Заклинанье! — очарован
И беззвучной цепью скован,
Без конца томись, страдай
И в страданьях — увядай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

В час таинственной тоски,
Повернув свои зрачки,
Удивишься, почему
Я не выступлю сквозь тьму
И от всех мою печать
Должен будешь ты скрывать.

(Перевод дан по изданию: Дж. Г. Байрон. Драммы. Под ред. Н. С. Гумилева и М. Л. Лозинского. П.-М., 1922, с. 74. В дальнейшем ссылка на это издание дается сокращенно — «Изд. 1922»).

Манфред

Сокрылись духи, вызванные мной,
Не принесли мне облегченья чары,
Не помогла наука волшебства.
Я уж не верю в силы неземные,
Они над прошлым власти не имеют,
А что мне до грядущего, покуда
Былое тьмой покрыто? — Мать Земля!
Ты, юная денница, вы, о горы,
Зачем вы так прекрасны? — Не могу
Я вас любить. — И ты, вселенной око,
На целый мир отверстое с любовью.
Ты не даешь отрады только мне!
Вы, груды скал, где я стою над бездной
И в бездне над потоком различаю
Верхи столетних сосен, превращенных
Зияющей стремниною в кустарник,
Скажите мне, зачем над ней я медлю,
Когда одно движенье, лишний шаг
Навеки успокоили бы сердце
В скалистом ложе горного потока?
Оно зовет — но я не внемлю зову.
Оно страшит — но я не отступаю,
Мутит мой ум — и все же я стою:
Есть чья-то власть, что жизнь нам сохраняет,
Что заставляет жить нас, если только
Жить значит пресмыкаться на земле
И быть могилой собственного духа,
Утратив даже горькую отраду —
Оправдывать себя в своих глазах!

Пролетает орел.

Могучий царь пернатых, сын эфира,
Превыше туч парящий в поднебесье,
О, если бы мне быть твоей добычей
И пищей для орлят твоих! В лазури
Чернеешь ты, и я тебя чуть вижу,
Меж тем как ты и вниз, и вверх, ивширь
Пронзаешь взором воздух! — Как прекрасен,
Как царственно-прекрасен мир земной,
Как величав во всех своих явлениях!
Лишь мы, что назвались его царями,
Лишь мы, смешенье праха с божеством,
Равно и праху чуждые и небу,
Мрачим своею двойственной природой
Его чело спокойное, волнуясь
То жаждою возвыситься до неба,

То жалкою привязанностью к праху,
Пока не одолеет прах и мы
Не станем тем, чего назвать не смеем,
Что нам внушает ужас. — Чу, свирель!

Вдали слышна свирель пастуха.

Патриархально-сладостные звуки
Далеко раздаются по ущельям,
Сливаясь с колокольчиками стад,
И жадно я внимаю им. — О, если б
Я был незримым духом этих звуков,
Гармонией свободной и живой,
Блаженством бестелесным, что родится,
Живет и умирает вместе с ними!

Снизу поднимается охотник за сернами.

Охотник

Да, серна здесь промчалась! Но куда?
Как на смех промелькнула и пропала!
Боюсь, что не окупится сегодня
Мой тяжкий труд. — Но кто это вдали?
Он с виду не охотник, а поднялся
На высоту, которой достигают
Лишь лучшие охотники. На нем
Богатый плащ, он мужественно-строен
И горд, как сын свободного народа.
Пойду к нему.

Манфред

(не замечая охотника)

До срока поседеть
От скорбных дум, подобно этим жалким
Обломкам сосен, бурей искривленным,
Погубленным одною зимней вьюгой,
И быть таким, с тоскою вспоминая
Иные дни, и на челе носить
Морщины, что оставили не годы,
А лишь мгновенья, — тяжкие мгновенья,
Ужасные, как вечность! Вы, лавины!
Вы, глыбы льдов! Обрушьте на меня
И поглотите жизнь мою! Я слышу
Ваш непрерывный грохот, но, свергаясь,
Вы губите лишь то, что жаждет жизни:
Цветущий лес иль мирные селенья.

Охотник

С долины поднимаются туманы.
Скажу ему, что нам пора спускаться,
Не то он здесь останется навеки.

Манфред

Вкруг ледников дымится мгла и пахнет
Горящей серой; белыми клубами
К моим ногам всползают облака,
Как пена из пучины преисподней,
С тех жадных волн, что роют берег жизни,
Обремененный грешными, как щебнем.
Я задыхаюсь.

Охотник

Он едва стоит:
Мне нужно подойти к нему тихонько, —
Иначе он сорвется.

Манфред

С тяжким гулом
Обрушивались горы, прорывая
Ткань облаков и сотрясая Альпы,
Загромождали горами обломков
Зеленые цветущие долины,
Запруживали реки, низвергаясь,
И в пыль и мглу их воды раздробляли.
Так некогда пал Розенберг.⁸ Зачем
Я не стоял тогда в его долинах?

Охотник

Притель, осторожней! Лишний шаг —
И ты простишься с жизнью. Ради бога,
Отдвинься от обрыва.

Манфред

(не слыша охотника)

Как спокойно

⁸ Так некогда пал Розенберг. — Розенберг (Росберг) — гора в Швейцарии, обрушилась в 1806 году.

Уснул бы я! Мой прах не стал бы жалкой
Игрушкой ветра, не был бы развеян
По скалам и утесам. А теперь —
Простите, небеса! О, не глядите
Вы на меня с такою укоризной —
Не для меня вы созданы. — Земля!
Прими меня!

Делает движение броситься со скалы, но охотник внезапно схватывает и удерживает его.

Охотник

Остановись, безумец!
Не оскверняй долин преступной кровью —
Иди за мной — я не пущу тебя!

Манфред

Как тяжело мне! — Нет, не держи так крепко —
Я изнемог — кружась, мелькают горы —
В глазах туман. Зачем ты здесь и кто ты?

Охотник

Скажу, скажу. — Теперь идем — все тонет
В тумане — опирайся на меня —
Стань вот сюда — сюда — и придержишь
За этот куст — дай руку и покрепче
Возьми меня за пояс — легче! — так.
Теперь смелей — недалеко до дома —
Мы выберемся скоро на тропинку,
Прорытую ручьями. — Прыгай — славно!
Да ты любому горцу не уступишь!

Медленно спускаются по скалам.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Хижина в Бернских Альпах.

Манфред и охотник.

Охотник

Нет, подожди — тебе еще опасно
Пускаться в путь: ты слишком изнемог,
Ты слаб еще и телом и душою.

Вот отдохнешь — тогда мы и пойдем.
Где ты живешь?

Манфред

Дорога мне известна.
Я в провожатом больше не нуждаюсь.

Охотник

По виду твоему я замечаю,
Что ты из тех, чьи замки так угрюмо
Глядят со скал на хижины в долинах.
Который твой? Я знаю в них лишь входы,
Мне изредка доводится погреться
У очагов их старых темных зал,
За чашей, меж вассалов, но тропинки,
Что с гор ведут к воротам этих замков,
Известны мне с младенчества. Где твой?

Манфред

Не все ль равно?

Охотник

Ну, хорошо, не хмурься,
Прости за спрос. Отведаем вина.
Старинное! Не раз отогревало
Оно меня среди наших ледников —
Теперь пускай тебя согреет. — Выпьем!

Манфред

Прочь от меня! — На кубке кровь! — О боже,
Ужели никогда она не сгинет?

Охотник

Какая кровь? Ты бредишь?

Манфред

Наша кровь!
Та, что текла в сердцах отцов и в наших,

Когда мы были юны и любили
Так горячо, как было грех любить,
Та, что встает из праха, обагрят
Мрак, заступивший небо предо мною,
Где нет тебя, а мне не быть — вовеки.

Охотник

Ты странный и несчастный человек;
Но каковы бы ни были страдания,
Каков бы ни был грех твой, есть спасенье:
Терпение, смирение и молитва.

Манфред

Терпение! — Нет, не для хищных птиц
Придумано терпение: для мулов!
Прибереги его себе подобным, —
Я из другой породы.

Охотник

Боже мой!
Да я б не взял бессмертной славы Телля,⁹
Чтоб быть тобой. Но повторяю: в гневе
Спасенья нет; неси свой крест покорно.

Манфред

Я и несу. Ведь я живу — ты видишь.

Охотник

Такая жизнь — болезненные корчи.

Манфред

Я говорю — я прожил много лет,
И долгих лет, но что все это значит
Пред тем, что суждено мне: я столетья,
Я вечность должен жить в неугасимой
И тщетной жажде смерти!

⁹ *Да я б не взял бессмертной славы Телля...* — Вильгельм Телль легендарный швейцарский герой, боровшийся за независимость Швейцарии в XIV веке.

Охотник

Как! Но ты
Совсем не стар: ты средних лет, не больше.

Манфред

Ты думаешь, что наша жизнь зависит
От времени? Скорей — от нас самих.
Жизнь для меня — безмерная пустыня,
Бесплодное и дикое побережье,
Где только волны стонут, оставляя
В нагих песках обломки мачт, да трупы,
Да водоросли горькие, да камни!

Охотник

Увы, он сумасшедший! Без призора
Его нельзя оставить.

Манфред

О, поверь, —
Я был бы рад безумию; тогда бы
Все что я вижу, было бы лишь бредом.

Охотник

Что ж видишь ты, иль думаешь, что видишь:

Манфред

Тебя, сын гор, и самого себя,
Твой мирный быт и кров гостеприимный,
Твой дух, свободный, набожный и стойкий,
Исполненный достоинства и гордый,
Затем что он и чист и непорочен,
Твой труд, облагороженный отвагой,
Твое здоровье, бодрость и надежды
На старость безмятежную, на отдых
И тихую могилу под крестом,
В венке из роз. — Вот твой удел. А мой —
Но что о нем — во мне уж все убито!

Охотник

И ты б со мною долей поменялся?

Манфред

Нет, друг, я не желаю зла тебе,
Я участью ни с кем не поменяюсь:
Я удручен, но все же выношу
То, что другому было б не под силу
Перенести не только наяву,
Но даже в сновиденье.

Охотник

И с такою
Душой, высокой, нежной, быть злодеем.
Кровавой мстью тешиться? — Не верю!

Манфред

О нет — нет — нет! Я только тех губил,
Кем был любим, кого любил всем сердцем,
Врагов я поражал, лишь защищаясь,
Но гибельны мои объятья были.

Охотник

Пусть небо ниспошлет тебе покой
И покаянья сладостные слезы!
Я буду поминать тебя в молитвах.

Манфред

Я не нуждаюсь в них; но состраданья
Отвергнуть не могу. — Я уйду
Пора — прости! Вот золото — ты должен
Его принять. — Не провожай меня —
Путь мне знаком, опасность миновала, —
Еще раз говорю — не провожай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Нижняя долина в Альпах. — Водопад.

Манфред

Еще не полдень: радуга сияет
В потоке всеми красками небес,¹⁰
И серебром блистает столп потока,
Свергаясь с высоты и развеваясь
Вдоль скал струями пены светозарной,
Как хвост коня-гиганта, на котором
В виденье Иоанна мчится Смерть.¹¹
Один я упиваюсь этой дивной
Игрою вод, и сладость созерцанья
Я разделю в тиши уединенья
Лишь с феей гор. — Я вызову ее.

Зачерпывает на ладонь воды и бросает ее в воздух, вполголоса произнося заклинания. Под радугой водопада появляется Фея Альп.

Прелестный дух, чьи кудри лучезарны,
Чьи очи ослепительны, как солнце,
На чьих ланитах краски так же нежны,
Как цвет ланит уснувшего младенца,
Как алый отблеск летнего заката
На горных льдах, — как девственный румянец
Земли, в объятья неба заключенной!
Прелестный дух, затмивший красотой
Блеск радуги, горящей над потоком,
Дочь Воздуха! Я на твоём челе
В твоём спокойном и безгрешном взоре,
Где светит мир твоей души бессмертной,
С отрадою прочел, что Сын Земли,
Которому таинственные силы
Дозволили вступать в беседы с ними,
Прощен тобой за то, что он дерзнул
Воззвать к тебе и на одно мгновенье
Узреть твой лик.

Фея

Я знаю, Сын Земли,
Тебя и тех, кем награжден ты властью.
Ты человек, свершивший в жизни много
Добра и зла, не ведая в них меры,

¹⁰ ...радуга сияет // В потоке всеми красками небес... — «Эта радуга образуется солнечными лучами в нижней части альпийских водопадов. Она совершенно сходна с небесной радугой, — как бы эта последняя спустилась на землю и находится так близко, что вы можете пройти под нею. Это зрелище длится до полудня». (Прим. Байрона.)

¹¹ Как хвост коня-гиганта, на котором // В виденье Иоанна мчится Смерть. — Байроном здесь использовано описание потока, сделанное им в дневнике 1816 года: «...поток изгибается над скалой, точно хвост белого коня, развевающийся по ветру: таким можно вообразить апокалиптического „коня бледа“, на котором едет Смерть».

И роком на страданья обреченный.
Я этого ждала — чего ты хочешь?

Манфред

Взирать на красоту твою — и только.
Лицо земли мой разум помрачило,
Я в мире тайн убежища искал,
В жилище тех, кто ею управляет,
Но помощи не встретил. Я пытался
Найти в них то, чего они не могут
Мне даровать, — теперь уж не пытаюсь.

Фея

Но что же то, пред чем бессильны даже
Властители незримого?

Манфред

Ты знаешь,
Нет цели повторять.

Фея

Мне непонятны
Твои слова, — я мук твоих не знаю.
Открой мне их.

Манфред

Мне это будет пыткой,
Но все равно, — душа таить устала
Свою тоску. От самых юных лет
Ни в чем с людьми я сердцем не сходилась
И не смотрел на землю их очами;
Их цели жизни я не разделял,
Их жажды честолюбия не ведал,
Мои печали, радости и страсти
Им были непонятны. Я с презреньем
Взирал на жалкий облик человека,
И лишь одно среди созданий праха,
Одно из всех... — но после. Повторяю:
С людьми имел я слабое общенье,
Но у меня была иная радость,
Иная страсть: Пустыня. Я с отрадой
Дышал морозной свежестью на льдистых

Вершинах гор, среди нагих гранитов,
Где даже птицы гнезд свивать не смеют;
Я упивался юною отвагой
В борьбе с волнами шумных горных рек
Иль с бешеным прибоем океана;
Я созерцал с заката до рассвета
Течение звезд, я жадными очами,
До слепоты, ловил блистанье молний
Иль по часам внимал напевам ветра,
В осенний день, под шум поблекших листьев.
Так дни текли, а я был одинок;
Когда же на пути моем встречался
Один из тех, чей ненавистный образ
Ношу и я, — я чувствовал, что свергнут
С небес во прах. И я проник в могилы,
Стремясь постичь загробный мир, и много
Извлек в те дни я дерзких заключений
Из черепов, сухих костей и тлена.
Я предался таинственным наукам,
Что знали только в древности, и годы
Моих трудов и тяжких испытаний
Мне дали власть над духами, открыли
Передо мной лик Вечности, и властен
Я стал, как маг, как чародей, что вызвал
В Гадаре Антэроса и Эроса,¹²
Как я тебя; и знания мои
Во мне будили жажду новых знаний,
И креп я в них, покуда...

Фея

Продолжай.

Манфред

О, я недаром длил рассказ: мне больно
Произнести признание роковое.
Но далее. Я не назвал ни друга,
Ни матери, ни милой — никого
Из тех, с кем нас связуют цепи жизни:
Я их имел, но был им чужд душою,
И лишь одна, одна из всех...

Фея

¹² ...как чародей, что вызвал // В Гадаре Антэроса и Эроса... — Антэрос в позднейшей греческой мифологии бог взаимной любви, брат Эроса — бога любви. Здесь имеется в виду предание о том, что в сирийском городе Гадаре греческий философ Ямвлих (ок. 280 — ок. 330) вызвал из двух ручьев богов-мальчиков (Эрос и Антэрос изображались в виде мальчиков, борющихся между собой за пальмовую ветвь).

Мужайся.

Манфред

Она была похожа на меня.
Черты лица, цвет глаз, волос и даже
Тон голоса — все родственно в нас было,
Хотя она была прекрасна. Нас
Сближали одинаковые думы,
Любовь к уединению, стремленья
К таинственным познаниям и жажда
Обнять умом вселенную, весь мир;
Но ей не чуждо было и другое:
Участье к людям, слезы и улыбки, —
Которых я не ведаю, — смиренность, —
Моей душе не сродное, — и нежность,
Что только к ней имел я; недостатки
Ее натуры были и моими,
Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбил и погубил ее!

Фея

Своей рукой?

Манфред

Нет, не рукою — сердцем,
Которое ее разбило сердце:
Оно в мое взглянуло и увяло;
Я пролил кровь, кровь не ее, и все же
Была пролита кровь ее.

Фея

И ради
Одной из тех, кого ты презираешь,
Над кем ты мог возвыситься, дерзая
Быть равным нам, ты пренебрег дарами
Властителей незримого и снова
Унизился до жалких смертных! Прочь!

Манфред

Дочь Воздуха! Я говорю: я вынес, —
Но что слова? Взгляни, как я измучен!

Я больше одиночества не знаю,
Я окружен толпою фурий; ночью
Я скрежещу зубами, проклиная
Ночную тьму, днем — проклиная день.
Безумия, как милости, молил я,
Но небеса мольбам не внимлют; к смерти
Стремился я, но средь борьбы стихий
Передо мною волны отступают
И прочь бегут; какой-то злобный демон
На волоске меня над бездной держит —
И волосок не рвется; в мире грез,
В фантазии, — я был когда-то ею
Богат, как Крез, — пытался я сокрыться,
Но, как волну в отлив, меня уносит
Из мира грез в пучину темной мысли;
С людской толпой сливался я — забвенья
Искал везде, но от меня сокрыты
Пути к нему: все знания, все чары,
Что добыл я столь тяжкими трудами,
Бессильны здесь, и, в безысходной скорби,
Я должен жить, — жить без конца.

Фея

Быть может,
Я помогу тебе.

Манфред

О, помоги!
Заставь ее восстать на миг из гроба
Иль мне открой могилу! Я с отрадой
Перенесу какую хочешь муку,
Но только пусть она последней будет.

Фея

Над мертвыми бессильна я; но если
Ты поклянешься мне в повиновенье —

Манфред

Не поклянусь. Повиноваться? Духам,
Которые подвластны мне? Служить
Своим рабам? О, никогда!

Фея

Ужели
Иного нет ответа? — Но подумай,
Не торопись.

Манфред

Я все сказал.

Фея

Довольно!
Могу ль я удалиться?

Манфред

Удались.

Фея исчезает.

Мы все — игрушки времени и страха.
Жизнь — краткий миг, и все же мы живем,
Клянем судьбу, но умереть боимся.
Жизнь нас гнетет, как иго, как ярмо,
Как бремя ненавистное, и сердце
Под тяжестью его изнемогает;
В прошедшем и грядущем (настоящим
Мы не живем) безмерно мало дней,
Когда оно не жаждет втайне смерти,
И все же смерть ему внушает трепет,
Как ледяной поток. Еще одно
Осталось мне — воззвать из гроба мертвых,
Спросить у них: что нас страшит? Ответить
Они должны: волшебнице Эндора
Ответил дух пророка,¹³ Клеоника
Ответила спартанскому царю,¹⁴
Что ждет его — в неведение убил он
Ту, что любил, и умер непрощенным,
Хотя взывал к Зевесу и молил

¹³ ...*волшебнице Эндора // Ответил дух пророка...* — По библейскому сказанию царь Саул пришел к старухе волшебнице, жившей близ города Аэндора (Эндора), с просьбой вызвать дух пророка Самуила. Дух пророка предсказал ему, что в борьбе с филистимлянами Саул и его сыновья погибнут.

¹⁴ ...*Клеоника // Ответила спартанскому царю...* — По преданию, которое передал Плутарх, спартанский царь Павсаний, будучи в городе Византии, по ошибке убил девушку Клеонику. Чтобы Клеоника простила его, он просил прорицателей вызвать ее дух. Призрак Клеоники сказал, что по возвращении в Спарту Павсаний освободится от всех своих забот; в этом ответе Клеоники Павсаний услышал предсказание своей скорой смерти.

Тень гневную о милости; был темен
Ее ответ, но все же он сбылся.
Когда б я не жил, та, кого люблю я,
Была б жива; когда б я не любил,
Она была бы счастлива и счастье
Другим дарила. Где она теперь?
И что она? Страдалица за грех мой —
То, что внушает ужас — иль ничто?
Ночь близится — и ночь мне все откроет
Хоть я страшусь того, на что дерзаю;
До сей поры без трепета взирал я
На демонов и духов — отчего же
Дрожу теперь и чувствую, как в сердце
Какой-то странный холод проникает?
Но нет того, пред чем я отступил бы,
И я сломлю свой ужас. — Ночь идет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Вершина горы Юнгфрау.

Первая парка

Луна встает большим багряным шаром.
На высоте, где ни единый смертный
Не запятнал снегов своей стопой,
Слетаемся мы ночью. В диком море,
В хрустальном океане горных льдов,
Мы без следа скользим по их изломам,
По глыбам, взгроможденным друг на друга,
Подобно бурным пенистым волнам,
Застывшим посреди водоворота,
И вот на этой сказочной вершине,
Где отдыхают тучи мимоходом,
Сбираемся на игрища и бденья.
Сегодня в полночь — наш великий праздник,
И, на пути к чертогам Аримана,
Я жду сестер. — Но что они так медлят?

Голос

(поющий вдалеке)

Злодей венценосный,
Низвергнутый в прах,¹⁵
Томился в изгнание,
В забвенье, в цепях.
Я цепи разбила,

¹⁵ *Злодей венценосный, // Низвергнутый в прах...* — Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

Расторгла тюрьму, —
Я власть и свободу
Вернула ему:
Потоками крови он землю зальет,
Народ свой погубит — и снова падет!

Второй голос

Плыл в море корабль, точно птица летел:
В эту ночь ему горестный выпал удел.
Ни мачт, ни снастей, ни ветрил, ни руля —
Ничего от него не оставила я.
Один лишь пловец, — он достоин того, —
До побережья достиг, — я щадила его:
Предатель, пират,¹⁶ снова будет он жить,
Чтобы мне своей темною жизнью служить.

Первая парка

(отвечая)

Спокойно спал город, —
В слезах и тревоге
Увидит он утро;
Медленно, мрачно
Чума распростерла
Над городом крылья.
Тысячи пали,
И тысячи тысяч
Падут пред всесильной.
Живые погибших, —
Любимых и милых, —
Покинут, спасаясь
От призрака смерти.
Ужас и злоба,
Скорбь и смятенье
Охватят людей.
Блаженны почившие,
Взор отворотившие
От кары моей!¹⁷

¹⁶ *Предатель, пират...* — Предполагается, что здесь Байрон имел в виду лорда Кокрейна, Томаса (1775–1860) — английского политического деятеля.

¹⁷ *От кары моей!* — далее у Байрона имеются строки:

Крушение народов, работу ночную,
В веках я творила и вновь сотворю я.

Входят вторая и третья парки.

Все три

В руках у нас — сердца людей,
Наш след — их темные могилы.
Лишь для того, чтоб отнимать,
Даем мы смертным жизнь и силы.

Первая парка

Привет! — Где Немезида?

Вторая парка

На работе,
Но на какой — не знаю: я сама
Не покладала рук до сей минуты.

Третья парка

Да вот она.

Входит Немезида.

Первая парка

Все нынче опоздали.
Где ты была?

Немезида

Женила дураков,
Восстанавливала падшие престолы
И укрепляла близкие к паденью;
Внушала людям злобу, чтоб потом
Раскаяньем их мучить; превращала
В безумцев мудрых, глупых — в мудрецов,
В оракулов, чтоб люди преклонялись
Пред властью их и чтоб никто из смертных
Не смел решать судьбу своих владык
И толковать спесиво о свободе,
Плоде, для всех запретном. — Но пора!
На облака — и в путь! Мы опоздали.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Гимн духов

Хвала ему, — хвала царю эфира,
Царю земли и всех земных стихий,
Кто повергает целый мир в смятенье
Единым мановением руки!
Дохнет ли он — бушуют океаны,
Заговорит — грохочет в небе гром,
Уронит взор — на небе солнце меркнет,
Восстанет — сотрясается земля.
В пути ему предшествуют кометы,
Вослед ему — вулканы мечут огонь,
И гнев его сжигает звезды в пепел,
И тень его — всеильная Чума.
Война ему, что день, приносит жертвы,
Смерть платит дань, и Жизнь, его раба,
К его стопам смиренно полагает
Весь ужас мук и горестей земных!

Входят парки и Немезида.

Первая парка

Восславьте Аримана! На земле
Растет его могущество — покорно
Исполнили мы волю Аримана!

Вторая парка

Восславьте Аримана! Мы, пред кем
Склоняет выю смертный, преклоняем
Свое чело пред тронном Аримана!

Третья парка

Восславьте Аримана! Преклоняясь,
Мы ждем его велений!

Немезида

Царь царей!
Все, что живет, что существует — наше,
А мы — твои. Но, чтобы наша власть
Могла расти, твою усугубляя,
Наш долг быть неустанными в трудах,
И мы свой долг исполнили: мы свято
Свершили все, что повелел ты нам.

Входит Манфред.

Дух

Что вижу я? Безумец, жалкий смертный!
Пади во прах.

Второй дух

Я узнаю его.
Он грозный и могучий чернокнижник.

Третий дух

Повергнись ниц и трепещи, презренный!
Перед тобой — и твой и наш владыка.
Ужели ты не видишь?

Сонм духов

Сын Земли!
Прострись во прах пред троном Аримана,
Иль горе непокорному!

Манфред

Я знаю.
И все ж не гну колен.

Четвертый дух

Тебя научат.

Манфред

Напрасный труд. Не раз во мраке ночи
Во прах я повергал свое чело,
Главу посыпав пеплом. Не однажды
Изведал я всю горечь униженья,
Пред собственным отчаяньем склоняясь,
Пред собственной скорбью.

Первый дух

Ты дерзаешь
Восстать на Аримана? Отказать
Владыке в том, что воздаст покорно
Ему весь мир? Не трепетать — и где же?
Пред ужасом величия и славы,
Пред тронем Аримана? Ниц, безумный!

Манфред

Пусть *Ариман* воздаст хвалу творцу,
Кем создан он не ради поклоненья.
Пусть он склонит главу: мы вместе
Склоним тогда.

Духи

Раздавим червяка!
Растопчем!

Первая парка

Прочь! — Владыка сил незримых,
Перед тобою смертный, не похожий
Ни на кого из смертных, как об этом
Свидетельствует вид его и то,
Что он перед тобой. Его страданья
Бессмертны, как и наши; знанья, воля
И власть его, поскольку совместимо
Все это с бренным прахом, таковы,
Что прах ему дивится; он стремился
Душою прочь от мира и постигнул
То, что лишь мы, бессмертные, постигли:
Что в знании нет счастья, что наука —
Обмен одних незнаний на другие,
Но я еще не все сказала: страсти,
Всесильные и на земле и в небе
Над всем, что только существует в мире,
Так истерзали грудь его, что я,
Не знающая жалости, прощаю
Того, в чьем сердце жалость он пробудит.
Он мой — иль твой — но ни один из духов
Не равен с ним и им владеть не будет.

Немезида

Зачем он здесь?

Первый дух

Пусть смертный сам ответит

Манфред

Вы знаете, что властен я, — без власти
Я б не был здесь, — но мне не все покорно.
Я помощи прошу у вас.

Немезида

Скажи,
Что хочешь ты?

Манфред

Заставь восстать усопших.

Немезида

Великий Ариман! Что повелишь мне?
Дозволишь ли?

Ариман

Да будет так.

Немезида

Кто должен
На мой призыв покинуть мрак могилы?

Манфред

В земле непогребенная — Астарта.

Немезида

Дух или Призрак!
Ты, что была
Создана прахом
И в прах отошла;
Ты, что утратила

Облик земной, —
В облике смертном
Восстань предо мной!
Сердце и очи,
Голос и лик
Вырви из жадной
Могилы на миг!
Восстань! Восстань от сени гробовой!
Тебя зовет убийца твой!

Призрак Астарты появляется среди чертога.

Манфред

И это смерть? Румянец на ланитах!
Но не живой он, — странный и зловещий,
Как тот, что рдеет осенью на листьях.
Астарта! — Нет, я говорить не в силах,
Вели заговорить ей: пусть она
Простит иль проклянет меня.

Немезида

Дух, ответствуй! Заклинаю
Властью неземной,
Тайной силой, что расторгла
Плен могильный твой!

Манфред

Молчанье!
Оно страшней ответа.

Немезида

Я свершила
Все, что могла. Великий Ариман,
Тебе лишь покорится призрак: повели ей
Открыть уста.

Ариман

Дух, говори!

Немезида

Молчанье!

Бессильны мы, — над нею власть имеют
Другие духи. Смертный, покорись
Своей судьбе.

Манфред

Услышь меня, Астарта!
Услышь меня, любимая! Ответь мне!
Я так скорбел, я так скорблю — ты видишь:
Тебя могила меньше изменила.
Чем скорбь меня. Безумною любовью
Любили мы: нам жизнь была дана
Не для того, чтоб мы терзались вечно,
Хотя любить, как мы с тобой любили, —
Великий грех. Скажи, что ты меня
Простила за страданья, что терплю я
Мученье за обоих, что за гробом
Гебя ждет рай и что умру и я.
Все силы тьмы против меня восстали,
Чтоб к жизни приковать меня навеки,
Чтоб я перед бессмертьем содрогался,
Пред будущим, что может быть подобно
Прошедшему. Мне нет нигде покоя.
Чего ищу, к чему стремлюсь — не знаю,
Лишь чувствую, что ты и что ты; я сам.
Пред гибелью хоть раз мне дай услышать
Твой голос сладкозвучный, — отзовись!
Я звал тебя среди безмолвья ночи,
Я спящих птиц будил среди ветвей,
Зверей в горах, и темные пещеры
На тщетный зов, на сладкий звук: Астарта!
Мне отвечали эхом — духи, люди
Внимали мне, — лишь ты одна не внемлешь!
О, говори! Я жадными очами
Искал тебя среди небесных звезд.
О, говори! Я исходил всю землю
И не нашел нигде тебе подобной.
Взгляни вокруг — мне бесы сострадают,
Я вижу ад, но полон лишь тобою.
О, говори!.. О, говори хоть в гневе,
Но только дай хоть раз тебя услышать.
Хоть только раз!

Призрак Астарты

Манфред!

Манфред

О, не смолкай!
Вся жизнь моя теперь лишь в этих звуках!

Призрак

Манфред! Заутра ты покинешь землю.
Прости!

Манфред

О нет! Скажи, что ты простила.

Призрак

Прости!

Манфред

Скажи — увидимся ли снова?

Призрак

Прости!

Манфред

О, пощади: скажи, что любишь!

Призрак

Манфред!

(Исчезает.)

Немезида

Ушла — и вновь ее не вызвать.
Вернись к земле. Слова ее свершатся.

Дух

Он потрясен. Кто смертен, тот не должен
Искать того, что за пределом смерти.

Второй дух

Да, но взгляни, как он собой владеет,
Свои мученья воле подчиняя!
Когда б он был одним из нас, он был бы
Могучий дух.

Немезида

Быть может, ты желаешь
Спросить еще о чем-нибудь?

Манфред

О нет.

Немезида

Тогда прости на время.

Манфред

Разве снова
Мы встретимся? И где же? На земле?
Но все равно. Я твой должник. Простите!

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зала в замке Манфреда.

Манфред и Герман.

Манфред

Который час?

Герман

Час до заката солнца,
И вечер обещает быть прелестным.

Манфред

Скажи, ты все ли приготовил в башне,
Как я велел?

Герман

Все, господин, готово.
Вот ключ и вот шкатулка.

Манфред

Хорошо.
Теперь иди.

Герман уходит.

Мир снизошел мне в душу,
Мир, мне еще неведомый доньше
И непонятный. Если б я не знал,
Что самое обманчивое в мире —
Химеры философских измышлений,
Что мудрость их — пустейшая из фраз
В учено-схоластическом жаргоне,
Я, кажется, охотно бы поверил,
Что золотые грезы о Калоне¹⁸
Уже сбылись, что я его сыскал
В себе самом. Мой мир недолговечен,
Но все же хорошо его изведать
Хотя однажды. Нужно записать,
Что есть такое ощущение... Кто там?

Входит Герман.

Герман

Аббат святого Мориса.

Входит аббат.

Аббат

Мир дому!

Манфред

¹⁸ ...грезы о Калоне... — Калон — добро, благо (греч.).

Благодарю, святой отец! Да будет
Для замка твой приход благословеньем.

Аббат

Дай бог, чтоб было так! Но я желал бы
Поговорить глаз на глаз.

Манфред

Выйди, Герман.
Что скажет мой достопочтенный гость?

Аббат

Скажу без предисловий: сан, седины,
Желание добра тебе и наше
Давнишнее соседство, хоть знакомы
И не были с тобою мы, дают мне
На это право. Станный и ужасный
Пронесся слух, и этот слух позорит
Твое, граф, имя, — доблестное имя,
Которое ты должен для потомства
Таким же и оставить.

Манфред

Продолжай.
Я слушаю.

Аббат

Ты, говорят, предался
Греховным и таинственным наукам,
Вступил в союз с сынами преисподней,
С нечистой силой демонов и бесов,
Блуждающих в долине сени смертной.
С людьми, своими братьями по духу,
Общаешься ты редко, жизнь проводишь
В уединенье, — свято ли оно?

Манфред

Скажи, кто распускает эти слухи?

Аббат

Мои благочестивые собратья,
Окрестный люд, — твои вассалы даже,
Что на тебя взирают с беспокойством,
Да мы и все за жизнь твою трепешем.

Манфред

Возьми ее.

Аббат

Я прихожу спасать,
А не губить. Я не хочу касаться
Твоей души, но, если справедливы
Все эти слухи, верь, еще не поздно
Очиститься от скверны покаяньем
И примириться с церковью и небом.

Манфред

Я выслушал. И вот что я отвечу:
Кто б ни был я, но я не изберу
Посредником меж мной и небесами
Ни одного из смертных. Если я
Уставы нарушаю — покарайте.

Аббат

Мой сын, я не о каре говорю, —
Я только призываю к покаянью.
Пусть наказует небо. «Мне отмщенье»,
Сказал господь, и, со смиренным сердцем,
Раб господа, я только повторяю
Его глаголы грозные.

Манфред

Старик!
Ни власть святых, ни скорбь, ни покаянье,
Ни тяжкий пост, ни жаркие молитвы,
Ни даже муки совести, способной,
Без демонов, без страха пред геенной,
Преобразить в геенну даже небо, —
Ничто не в состоянии исторгнуть
Из недр души тяжелого сознанья

Ее грехов и сокровенной муки.
Та кара, что преступник налагает
Сам на себя, страшней и тяжелее
Загробных мук.

Аббат

Я рад все это слышать,
Затем что все это должно смениться
Надеждой благодатной, что спокойно
Взирает на блаженную обитель,
Ее же всякий ищущий обрящет,
Коль скоро он покинет путь неправый.
Начало же спасения — сознание
Его необходимости. Покайся —
И все грехи, что отпустить я властен,
Я отпущу, — что преподавать сумею,
Все преподам.

Манфред

Когда несчастный Нерон,
Чтобы избежать мук позорной смерти
Перед лицом сенаторов, недавних
Его рабов, ударил в грудь кинжалом,
Какой-то воин, полный сострадания,
Прижал свой плащ к его смертельной ране,
Но Нерон оттолкнул его и молвил
С величием во взоре: «Слишком поздно!»

Аббат

К чему ты клонишь речь?

Манфред

Я отвечаю
На твой призыв к спасенью: слишком поздно!

Аббат

Нет, никогда не поздно примириться
С своей душой, а чрез нее и с небом.
Иль у тебя нет никаких надежд?
Ведь даже те, что в небеса не верят,
Живут какой-нибудь земной мечтой,
Прильнувши к ней, как тонущий к тростинке.

Манфред

О да, отец, и я лелеял грезы,
И я мечтал на утре юных дней:
Мечтал быть просветителем народов,
Достичь небес, — зачем? Бог весть! быть может,
Лишь для того, чтоб снова пасть на землю,
Но пасть могучим горным водопадом,
Что, с высоты заоблачной свергаясь
В дымящуюся бездну, восстает
Из бездны ввысь туманами и снова
С небес стремится ливнем. — Все прошло,
И все это был сон.

Аббат

Но почему же?

Манфред

Я обуздать себя не мог; кто хочет
Повелевать, тот должен быть рабом;
Кто хочет, чтоб ничтожество признало
Его своим властителем, тот должен
Уметь перед ничтожеством смиряться,
Повсюду проникать и попевать
И быть ходячей ложью. Я со стадом
Мешаться не хотел, хотя бы мог
Быть вожаком. Лев одинок — я тоже.

Аббат

Зачем не жить, не действовать иначе?

Манфред

Затем, что я всегда гнушался жизни.
Я не жесток; но я — как жгучий вихрь,
Как пламенный самум, что обитает
Лишь в тишине пустынь и одиноко
Кружит среди ее нагих песков,
В ее бесплодном, диком океане.
Он никого не ищет, но погибель
Грозит всему, что встретит он в пути.
Так жил и я; и тех, кого я встретил
На жизненном пути, — я погубил.

Аббат

Увы! Я начинаю опасаться,
Что я тебе помочь уже не в силах.
Но ты еще так молод, я хотел бы...

Манфред

Святой отец! Есть люди, что стареют
На утре дней, что гибнут, не достигнув
До зрелых лет, — и не случайной смертью,
Иных пороки, иных науки губят,
Иных труды, иных томленья скуки,
Иных болезни, безумье, а иных —
Душевные страдания и скорби.
Страшнее нет последнего недуга:
Все имена, все формы принимая,
Он требует гораздо больше жертв,
Чем значится в зловещих списках Рока.
Вглядись в меня! Душевные недуги
Я все познал, хотя довольно б было
И одного. Так не дивись тому,
Что я таков, дивись тому, чем был я,
Тому, что я еще живу на свете.

Аббат

Но выслушай...

Манфред

Отец, я уважаю
Твои года и звание; я верю,
Что ты пришел ко мне с благою целью,
Но ты предпринял тщетный труд. Быть грубым
Я не хочу, — я лишь тебя щажу,
А не себя, так резко обрывая
Наш разговор — и потому — прости!

(Уходит.)

Аббат

Он мог бы быть возвышенным созданием.
В нем много сил, которые могли бы
Создать прекрасный образ, будь они
Направлены разумнее; теперь же

Царит в нем страшный хаос: свет и мрак,
Возвышенные помыслы — и страсти,
И все в смешенье бурном, все мятется
Без цели и порядка; все иль дремлет,
Иль разрушенья жаждет: он стремится
К погибели, но должен быть спасен,
Затем что он достоин искупленья.
Благая цель оправдывает средства,
И я на все дерзну. Пойду за ним
Настойчиво, хотя и осторожно.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другая комната.

Манфред и Герман.

Герман

Вы, господин, велели мне явиться
К вам на закате: солнце уж заходит.

Манфред

Да? — Я взгляну.

(Подходит к окну).

Великое светило!
Бог первозданной, девственной природы!
Кумир могучих первенцев земли,
Не ведавших болезней, — исполинов,
Родившихся от ангелов и дев,
Сиявших красотой неизреченной!
Царь меж светил, боготворимый миром
От первых дней творения, вливавший
Восторг в сердца халдейских пастухов
И слышавший их первые молитвы!
Избранник неземного, что явило
В тебе свой светлый образ на земле!
Венец и средоточие вселенной,
Дающее небесную отраду
Всему, что прозябает в дольном мире!
Владыка всех стихий и повелитель
Всех стран земных, повсюду положивший
Свои неизгладимые печати
На дух и облик смертных! Ты, что всходишь,
Свершаешь путь и угасаешь в славе!
Ты, видевшее некогда мой первый
Взор, полный изумленья и восторга!

Прости навек, — прими мой взор последний,
В последний раз тебя я созерцаю;
Твои лучи уж больше никогда
Не озарят того, кому дар жизни
Был даром роковым. — Оно сокрылось;
Мой час настал.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Горы. — В отдалении замок Манфреда. — Терраса перед башней. — Сумерки.

Герман, Мануэль и другие слуги Манфреда.

Герман

Дивлюсь я графу: вот уж сколько лет
Все ночи он без сна проводит в башне —
И непременно в башне. Я бывал в ней,
Но по тому, что есть в ней, не решишь,
Чем занят он. Наверно, потайная
Есть комната, и сколько бы я отдал,
Чтоб только заглянуть в нее!

Мануэль

Напрасно.
Доволен будь и тем, что ты уж знаешь.

Герман

Ах, Мануэль, ты старше нас и мог бы
Порассказать нам многое о замке.
Когда ты поступил сюда?

Мануэль

Давно.
Я до рожденья графа был слугою
Его отца, с которым никакого
Он не имеет сходства.

Герман

Что ж, не редкость!

Мануэль

Я говорю не о чертах лица.
Граф Сигизмунд был горд, но прост и весел,
Любил пиры и битвы, а не книги,
Любил людей — и ночи превращал
Не в бдения угрюмые, а в праздник,
Да ведь какой! Он не блуждал, как волк,
По дебрям и ущельям, — не чуждался
Земных утех и радостей.

Герман

Проклятье!
Вот были времена! И неужели
Они уж не вернутся в эти стены,
Что смотрят так, как будто и не знали
Счастливых дней?

Мануэль

Пусть прежде переменят
Владельца эти стены. О, я видел
Немало в них диковинного, Герман!

Герман

Будь добр и расскажи хоть что-нибудь.
Мне помнится, что возле этой башни
Случилось что-то: ты мне намекал.

Мануэль

Был, видишь ли, точь-в-точь такой же вечер,
Как и теперь; на Эйгере¹⁹ краснела
Точь-в-точь такая ж тучка; ветер дул
Порывистый, и снежные вершины
Уж заливала трепетным сияньем
Всходившая луна; граф Манфред,
Как и теперь, был в башне; что он делал,
Бог весть, — но только с ним была
Та, что делила все его скитанья
И бдения полночные: Астарта,
Единственное в мире существо,
Которое любил он, что, конечно,
Родством их объяснялось...²⁰

¹⁹ Эйгер — гора в Бернских Альпах.

²⁰ *Родством их объяснялось...* — После этих слов в первом варианте третьего акта шла заключительная

Кто идет?

Аббат

Где граф?

Герман

Вот в этой башне.

Аббат

Постучись —
Мне нужно с ним поговорить.

Герман

Не смею
Я нарушать его уединенье.

Аббат

Но мне его необходимо видеть,
Я на себя возьму твою вину.

Герман

Ведь ты его недавно видел.

Аббат

Герман!
Ступай без рассуждений.

Герман

Я не смею.

сцена «Манфреда». Реплика Мануэля прерывалась Германом, обращавшим его внимание на то, что башня Манфреда в огне. Мануэль начинает звать на помощь, но все охвачены страхом и никто, за исключением Германа, не идет вслед за Мануэлем. Мануэль и Герман выносят из башни Манфреда, который умирает в присутствии собравшихся людей, и слова Манфреда: «Старик! Поверь, смерть вовсе не страшна!» — относились к Мануэлю.

Аббат

Так я войду без всякого доклада.

Мануэль

Святой отец, постойте! Я прошу вас.

Аббат

Но почему?

Мануэль

Пожалуйста сюда, —
Благоволите выслушать.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренность башни.

Манфред

(один)

Сверкают звезды, — снежные вершины
Сияют в лунном свете. — Дивный вид!
Люблю я ночь, — мне образ ночи ближе,
Чем образ человека; в созерцанье
Ее спокойной, грустной красоты
Я постигаю речь иного мира.
Мне помнится, — когда я молод был
И странствовал, — в такую ночь однажды
Я был среди развалин Колизея,
Среди останков царственного Рима.
Деревья вдоль разрушенных аркад,
На синеве полуночной темнея,
Чуть колыхались по ветру, и звезды
Сияли сквозь руины; из-за Тибра
Был слышен лай собак, а из дворца —
Протяжный стон совы и, замирая,
Невнятно доносились с теплым ветром
Далекие напевы часовых.
В проломах стен, разрушенных веками,
Стояли кипарисы — и казалось,
Что их кайма была на горизонте,
А между тем лишь на полет стрелы
Я был от них. — Где Цезарь жил когда-то

И где теперь живут ночные птицы,
Уже не лавр, а дикий плющ растет
И лес встает, корнями укрепляясь
В священном прахе царских очагов,
Среди твердынь, сровнявшихся с землею.
Кровавый цирк стоит еще доньше,
Еще хранит в руинах величавых
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги уж давно
Поверглись в прах и стали грудой камня.
И ты, луна, на них свой свет лила,
Лишь ты одна смягчала нежным светом
Седую древность, дикость запустенья,
Скрывая всюду тяжкий след времен!
Ты красоты былой не изменяла,
Но осеняла новой красотой
Все, в чем она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Немым благоговеньем наполнялось
Перед немym величьем древней славы,
Пред тем державным прахом, что доньше
Внушает нам невольный трепет. — Странно,
Что вспомнилась мне эта ночь сегодня;
Уже не раз я замечал, как дико
Мягутся наши мысли в те часы,
Когда сосредоточиться должны мы.

Входит аббат.

Аббат

Я вновь к тебе непрошеным являюсь,
Но пусть мое смиренное стремленье
Помочь тебе — не прогневит тебя:
Пусть все, что есть в нем темного, дурного,
Падет лишь на меня, а все благое —
Да осенит твою главу, — я страстно
Сказать хотел бы: *сердце!* Если б тронуть
Я мог его молитвой иль словами,
Я спас бы дух, который лишь случайно
Блуждает в тьме.

Манфред

Напрасная надежда!
Мой путь свершен, моя судьба решилась.
Но уходи, — тебе здесь быть опасно.

Аббат

Ты хочешь запугать меня?

Манфред

О нет.
Я говорю лишь, что близка опасность.
Остерегись.

Аббат

Чего?

Манфред

Гляди сюда:
Ты видишь?

Аббат

Нет.

Манфред

Гляди, я повторяю,
И пристально. Теперь скажи, — ты видишь?

Аббат

Я вижу, что встает из-под земли,
Как адский бог, какой-то мрачный призрак;
Его лицо закрыто покрывалом,
Он весь повит тяжелыми клубами
Свинцовой мглы, но он не страшен мне.

Манфред

Я знаю, что тебя он не коснется,
Но взор его убьет тебя на месте, —
Ты стар и дряхл, — уйди, прошу тебя!

Аббат

А я в ответ: доколе не сражуся
С исчадьем тьмы, — не сделаю и шагу.

Зачем он здесь?

Манфред

Да, да, зачем он здесь?
Кто звал его? Он гость, никем не званный.

Аббат

Погибший смертный! Страшно и подумать,
Что ждет тебя! С какою целью ходят
К тебе такие гости? Почему
Вы смотрите так зорко друг на друга?
А, он покров свой сбросил: на челе —
Следы змеистых молний, взор блистает
Бессмертием геенны — адский призрак,
Исчезни!

Манфред

Дух, зачем ты здесь?

Дух

Идем!

Аббат

Неведомый! Скажи, ответствуй: кто ты?

Дух

Его Судьба. Идем — настало время.

Манфред

О, я на все готов, но презираю
Твой властный зов! Кем прислан ты сюда?

Дух

Узнаешь в срок. Идем!

Манфред

Мне покорялись
И более могучие, чем ты,
Я вел борьбу с владыками твоими, —
Сгинь, адский дух!

Дух

Настало время, смертный,
Смирись.

Манфред

Я знал и знаю, что настало.
Но не тебе, рабу, отдам я душу.
Прочь от меня! Умру, как жил, — один.

Дух

Я помощи потребую. — Восстаньте!

Появляются духи.

Аббат

Исчезните, владыки тьмы! Рассейтесь!
Бессильны вы пред силою небесной,
Я закляну вас именем...

Дух

Старик!
Не расточай без пользы слов, — мы знаем,
Что властен ты, но здесь лишь мы владыки.
Напрасен спор: он кары не избегнет.
Вновь говорю: идем, настало время.

Манфред

Я презираю вас, — я с каждым вздохом
Теряю жизнь, но презираю вас!
Я не смирюсь, покуда сердце бьется,
Не отступлю, хотя бы мне пришлось
Бороться с целым адом; вам удастся
Взять не меня, а только труп.

Дух

Безумец!
Как жадно он цепляется за жизнь,
Которая дала ему лишь муки!
И это Маг, стремившийся проникнуть
За грань земных пределов и мечтавший
Быть равным нам?

Манфред

Исчадь тьмы, ты лжешь!
Мой час настал, — я это знал и знаю,
Но не хочу ни на одно мгновенье
Продлить его: тебе с толпою присных
Противлюсь я, а не веленьям смерти.
Я власть имел, но я обязан ею
Был не тебе: своей могучей воле,
Своим трудам, своим ночам бессонным
И знаниям тех дней, когда Земля
Людей и духов в братстве созерцала
И равными считала их. Бессильны
Вы предо мной, — я презираю вас,
Вы жалки мне!

Дух

Ты не избежешь кары:
Твои грехи...

Манфред

Не ты судья грехам!
Карает ли преступника преступник?
Убийцу тать? Сгинь, адский дух! Я знаю,
Что никогда ты мной не овладеешь,
Я *чувствую* бессилие твое.
Что сделал я, то сделал; ты не можешь
Усилить мук, в моей груди сокрытых:
Бессмертный дух сам суд себе творит²¹
За добрые и злые помышленья.²²

²¹ *Бессмертный дух сам суд себе творит...* — Более точный перевод согласно оригиналу: «Бессмертный Разум сам суд себе творит...»

²² *За добрые и злые помышленья.* — Далее у Байрона следует:

Он не во власти времени иль места,
Несет в самом себе источник муки,

Меня не искушал ты и не мог
Ни искушать, ни обольщать, — я жертвой
Твоей доныне не был — и не буду.
Сгубив себя, я сам и покараю
Себя за грех. Исчадья тьмы, рассейтесь!
Я покоряюсь смерти, а не вам!

Духи исчезают.

Аббат

Увы, ты страшен — губы посинели —
Лицо покрыла мертвенная бледность —
В гортани хрип. — Хоть мысленно покаяйся:
Молись — не умирай без покаянья!

Манфред

Все кончено — глаза застлал туман —
Земля плывет — колышется. Дай руку —
Прости навек.

Аббат

Как холодна рука!
О, вымолви хоть слово покаянья!

Манфред

Старик! Поверь, смерть вовсе не страшна!

(Умирает.)

Аббат

Он отошел — куда? — страшусь подумать —
Но от земли он отошел навеки.

Комментарии

Впервые — отдельным изданием: Манфред. Лондон, Меррен, 1817.

Освободясь от смертной оболочки,
Не чувствует он тленных красок мира,
Но поглощен весельем иль страданьем,
Рожденным памятью в его пустыне.

(«Изд. 1922», с. 113).

«Манфред» был начат Байроном в 1816 году в Швейцарии, закончен в 1817, в Италии. В письме к Меррею от 15 февраля 1817 года из Венеции Байрон писал: «Я забыл упомянуть, что закончил нечто вроде поэмы в диалогах (белым стихом) или драмы, начатой прошлым летом в Швейцарии, из которой взято „Заклинание“.²³ В ней три акта, и по своему характеру она необузданна, метафизична и необъяснима. Почти все действующие лица, за исключением двух или трех, духи земли, воздуха и вод. Действие происходит в Альпах, герой нечто вроде волшебника, страдающий от необычных угрызений совести, причина которых наполовину остается невыясненной. Он блуждает, вызывая этих духов, они являются к нему, но пользы ему от них нет. В конце концов он идет в само обиталище Главного Зла — *in propria persona*,²⁴ чтобы вызвать некий призрак, который, явившись, дает ему двойственный и неутешительный ответ. В третьем акте служители находят его умирающим в башне, где он занимался своим искусством. Из этого наброска вы можете понять, что я невысокого мнения об этой фантастической вещи, но, по крайней мере, я вознагражден уже тем, что она совершенно не пригодна для сцены, к которой после общения с Дрюри-Лейн я питаю величайшее презрение...» 9 марта 1817 года Байрон, отсылая Меррею третий акт своей драматической поэмы: (два первые были посланы раньше), просит его сообщить свое мнение о драме, так как «в самом деле не имеет ровно никакого представления хороша она или плоха», а также разрешает Меррею дать ее «на суд Г<иффорду>²⁵ и тем, кому сочтет нужным». И хотя «Манфред» был уже отослан для публикации, третьим актом драмы Байрон оставался недоволен. Как только до поэта доходит отзыв Гиффорда, что «изумительно поэтичному» первому акту третий уступает, Байрон сразу же соглашается переделать его. «Я постараюсь, — пишет он в письме к Меррею от 14 апреля 1817, - переделать и заново написать его (третий акт. — Р. У.), хотя творческий порыв уже ушел, и у меня нет уверенности, что из этой переделки что-либо получится, но, в любом случае, я бы не хотел публиковать его в том виде, в каком он сейчас. Речь Манфреда, обращенная к солнцу, единственное место, которое я сам признаю хорошим, остальное плохо...». 5 мая Байрон сообщает Меррею, что послал «новый третий акт „Манфреда“ ...значительную часть которого заново написал...». «Думаю, — продолжает поэт, — вы будете находить в этом новом акте то тут, то там хорошую поэзию. Печатайте теперь, не высылая мне верстку...». При сравнении первого варианта третьего акта с окончательным видно, что Байрон подверг переделке главным образом финальную сцену.

На родине поэта «Манфред» был поставлен впервые в Лондоне, в театре Ковент-Гарден в 1834 году. В последующие годы XIX века «Манфред» шел с большим успехом и в других известных театрах Англии. В XX веке силами различных театральных трупп в Англии были осуществлены три постановки «Манфреда».

В нашей стране «Манфред» впервые был показан на сцене Большого театра в 1884 году, во время гастролей известного немецкого актера Эрнста Поссарта, исполнившего роль Манфреда. После Октябрьской революции, в 1924 году, к 100-летию со дня смерти Байрона, «Манфред» был дан в концертном исполнении артистами 1-й студии МХТ. В 1961 году «Манфред» был поставлен на сцене Рижского театра оперы и балета.

С начала 30-х годов XIX века это произведение Байрона стало привлекать внимание композиторов. Наиболее глубоко трагизм драматической поэмы раскрыт немецким композитором-романтиком Робертом Шуманом в музыке к спектаклю «Манфред» (1850) и П. И. Чайковским в одноименной симфонии (1885).

²³ «Заклинание» было опубликовано с первым изданием поэмы «Шильонский узник» в 1816 году.

²⁴ Персонифицированного (*лат.*).

²⁵ Гиффорд, Уильям (1756–1826) — английский писатель и критик.

